

Майкл Каннингем
Плоть и кровь

Michael Cunningham
Flesh and Blood

Майкл Каннингем

Плоть и кровь

Перевод с английского
Сергея Ильина

издательство **астрель**

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(4Сое)-44
К19

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Издание осуществлено при техническом содействии ИЗДАТЕЛЬСТВА АСТ

Каннингем М.

К 19 Плоть и кровь : роман / МАЙКЛ КАННИНГЕМ ; пер. с англ. С. ИЛЬИНА
— М.: Астрель : CORPUS, 2010. — 704 с.

ISBN 978-5-271-28984-2 (ООО “Издательство Астрель”)

“Плоть и кровь” — один из лучших романов американца Майкла Каннингема, автора бестселлеров “Часы” и “Дом на краю света”.

“Плоть и кровь” — это семейная сага, история, охватывающая целый век: начинается она в 1935 году и заканчивается в 2035-м. Первое поколение — грек Константин и его жена, итальянка Мэри — изо всех сил старается занять достойное положение в американском обществе, выбиться в средний класс. Их дети — красавица Сьюзен, талантливый Билли и дикарка Зои, выпорхнув из родного гнезда, выбирают иные жизненные пути. Они мучительно пытаются найти себя, гонятся за обманчивыми призраками многоликой любви, совершают отчаянные поступки, способные сломать их судьбы. А читатель с захватывающим интересом следит за развитием событий, понимая, как хрупок и незащищен человек в этом мире.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(4Сое)-44

ISBN 978-5-271-28984-2 (ООО “Издательство Астрель”)

© 1995 by Michael Cunningham
© С. Ильин, перевод на русский язык, 2010
© А.Бондаренко, оформление, 2010
© ООО “Издательство Астрель”, 2010
Издательство CORPUS ®

Содержание

I. Балет автомобилей	11
II. Преступное знание	183
III. Внутри музыки	389

*Эта книга посвящается
Донне Ли и Кристине Торсон*

Слова благодарности

Я хотел бы поблагодарить Джоэля Коннаро, Кен Корбетт, Стейси Д'Эразмо, Стивена Кори Фридмана, Джонатана Галасси, Гэйла Хочмана и Энни Рамси, каждый из которых читал эту книгу на разных этапах ее создания. Кроме них, огромную помощь оказали мне Эвелин Беркхалтер, Марсель Клементс, Дориан Кори, Энн Д'Алески, Пол Эли, Ник Флинн, Уильям Форленца, Деннис Гейгер, Ник Хьюми, Адам Мосс, Энджи Экстраваганца, да и все члены семьи Экстраваганца, в особенности Дэнни и Гектор. Я глубоко признателен Фонду Джона Саймона Гуггенхайма за финансовую поддержку, а также Ларри Крамеру, который в одно не по сезону холодное утро подарил мне в парке Вашингтон-сквер название этой книги.

Однажды некий сильно рассерженный человек
волол своего отца за ногу по его фруктовому
саду. “Стой! — вскричал наконец стонающий
старец. — Стой! Я никогда не заволакивал моего
отца дальше вот этого дерева”.

ГЕРТРУДА СТАЙН
Становление американцев

I. Балет автомобилей

1935

Работая в огороде отца, восьмилетний Константин думал о собственном огороде, о квадрате гранита, припорошенного почвой, которую он тайком затащил на холм, возвышающийся над землей его семьи, а после соорудил на нем грядки. Сегодня он первым делом прополол отцовскую фасоль, потом поползал среди узловатых утолщений отцовской же лозы, привязывая норовившие вырваться на свободу усики к кольям грубой бурой веревкой, обладавшей, казалось ему, окраской и строением праведных, но обреченных на неудачу усилий. Когда отец говорил, что они “урабатываются до смерти, лишь бы остаться в живых”, воображению Константина рисовалась именно эта веревка, грубая, крепкая, блеклая, с выбившимися из нее наэлектризованными волосками, — она пыталась увязать в неуклюжий сверток весь мир, который этого ничуть не желает, да никогда увязанным и не останется,

совершенно как виноградные лозы, упрямо рвущиеся к свободе выбрасывая под странными, иступленными углами тянувшиеся к небу усики. То была его работа, одна из работ, — воспитывать лозу, и он давно уже проникся к ее необузданному упорству презрением и уважением сразу. У лозы имелась собственная тайная, запутанная жизнь, дремлющая воля, но если она нарушит заведенный порядок и отъединится от кольев, на орехи достанется ему, Константину. Безжалостный глаз отца умел отыскать дурную соломинку в целом стоге благих намерений.

Итак, работая, он думал о своем огорожке, укрытом солнечным блеском на верхушке холма, о трех квадратных футах, до того бесполезных для определенного раз и навсегда отцовского будущего, что их отдали в игрушку Константину, самому младшему в семье. Слой почвы был там чуть выше четверти дюйма, да и не почвы — пыли, набившейся в трещинки покатою гранитной площадки, однако Константин собирался заставить ее плодоносить, подчинив себе эту землю решимостью и трудом, натиском воли. Он стянул у матери из кухни с десятков семян — тех, что прилипали к лезвию ножа или просто падали на пол и оставались не замеченными ею, как ни усердствовала она в попытках избежать греха расточительности. Огородик лежал на верхушке выжженного солнцем холма, никто туда не заглядывал; если семена дадут всходы, он сможет ухаживать за ними, никому об этом не говоря. Он подождет до времени, когда нач-

нется сбор урожая, и однажды триумфально спустится вниз с кабачком, стручком перца, а то и помидором и пройдет осенними сумерками к дому, где мать будет накрывать стол для собравшихся ужинать отца и братьев. Чеканное золото неба встанет за его спиной. Свет неба ворвется, когда он распахнет дверь, в полумрак кухни. Отец, мать, братья — все уставятся на него, на недомерка, от которого ничего путного ждать не приходится. Стоя посреди виноградника и озирая раскинувшийся внизу мир — развалины фермы Папандреуса, оливковые рощи компании “Каламата”, далекое мерцание города, — Константин думал о том, как однажды он поднимется по скалам и увидит выпроставшиеся из клочка принадлежащей ему пыли зеленые побеги. Священник уверял, что усердие и слепая вера способны творить чудеса. Что же, вера у него была.

И усердие тоже. Каждый день, получив свою порцию воды, он половину ее выпивал, а половиной опрыскивал свои посевы. В этом ничего трудного не было, однако ему требовалась почва получше. Жаль, что мать сшила для него штаны без карманов, ведь о том, чтобы пронести две горсти земли из отцовского огорода мимо козьего загона и подняться с ними по горбатому склону холма, оставшись при этом никем не замеченным, нечего было и думать. Но он все-таки нашел один способ: в конце рабочего дня он наклонялся — якобы для того, чтобы привязать последнюю лозу к основанию кола, — и набивал землей рот.

Привкус она имела пьянящий, навозный; чернота, облекавшая язык Константина, была и тошнотворной, и странно, опасно лакомой. Так, с полным ртом, он и поднимался по крутому уклону двора к скалам. Он почти ничем и не рисковал, даже если ему случалось проходить мимо отца или кого-то из братьев. Они привыкли к его молчанию. Считали, что он молчит просто по глупости. Он же молчал потому, что боялся сказать что-то не так, ошибиться. Мир состоял из ошибок, мир был их колючим клубком, и никакими веревками, сколько хитроумных узлов ни навяжи, скрепить их так, чтобы они не лезли наружу, было невозможно. А наказание поджидало Константина за каждым углом. И потому умнее всего было помалкивать. Каждый вечер он в привычном для всех молчании проходил мимо братьев, еще возившихся с козами, и втягивал щеки, дабы никто не догадался, что у него набит рот. Пересекая двор и поднимаясь на холм, он изо всех сил старался не сглатывать, это, однако, неизменно случалось — грязь стекала в горло, наполняя его едкой чернотой своего вкуса. Почву здесь смешивали с козьим пометом, от которого на глаза Константина наворачивались слезы. И все-таки, добравшись до вершины, он выплевывал на ладонь приличных размеров катыш раскисшей земли. А потом торопливо, боясь, что кто-то из братьев увяжет-ся за ним, чтобы его подразнить, размазывал пригоршню пропитанной слюной грязи по своему крошечному огороду. Он втирал эту землю в гранит и думал

о матери, почти не глядевшей на него, потому что в жизни ее более чем хватало хлопотных дел, за исполнением коих ей полагалось приглядывать. Думал о том, как она приносит еду его прожорливым, горластым братьям. О том, как изменится ее лицо, когда он, собрав свой урожай, войдет вечером в дверь дома. Сначала он постоит в косом и пыльном луче света перед своей удивленной семьей. А после приблизится к столу и выложит на него то, что принес: стручок перца, кабачок, помидор.

1949

— Какая ночь, а? — сказала Мэри. Константин не смог ответить. От ее храбрости и красоты, от самого присутствия рядом с ним этой бледной, стройной девушки у него перехватывало горло. Он сидел на покрякивавшей скамье-качалке родителей Мэри и смотрел на нее, опирающуюся о перила веранды. Юбка льнула к ее ногам, ночной нью-джерсийский ветерок играл ее волосами.

— В такие ночи я становлюсь сама не своя, — продолжала она. — Ты посмотри на эти звезды. Так и хочется зачерпнуть их ладонями и высыпать тебе на голову.

— Ммм, — промычал Константин, надеясь, что этому сдавленному стону удастся выразить наслаждение, которое он испытывает. Прошло почти уж полгода, а он все не мог поверить своему счастью. Не мог поверить, что встречается с такой изумительной американской девушкой. Теперь у него было две жизни, вто-

рая — в ее голове. И едва ли не каждую минуту он испытывал страх, что Мэри поймет, как сильно она ошиблась.

— Ты замечательно выглядел бы осыпанный звездами, — сказала она, однако по тону ее Константин понял, что эта тема ей уже наскучила. Когда голос Мэри понижался, а руки лениво вспархивали к волосам, это означало, что разговор стал ей неинтересным, хотя она и могла продолжать его, не вслушиваясь в то, что говорит. Константин никогда еще не встречал человека такого стойкого и так легко впадающего в скуку.

Чтобы вернуть ее назад, он спрыгнул с качалки, подошел к перилам. И теперь смотрел вместе с Мэри на задний дворик ее родителей, на сарайчик, в котором ее отец держал инструменты, на безумную россыпь звезд.

— Если кто и выглядит замечательно, так это ты, — прошептал он.

— О, я ничего себе, — отозвалась, не взглянув на него, Мэри. Тон ее все еще оставался ленивым, сонным. — А вот ты — настоящий красавец и знаешь это. Одна девочка из школы на днях спросила, не боязно ли мне встречаться с таким красивым мужчиной. Она считает, что с нашими домашними увальнями как-то спокойней.

— Так я и есть домашний, — сказал он.

Вот тут она повернулась, чтобы взглянуть на него, и Константин удивился, увидев на ее щеках румянец гнева.

— Не жеманничай, — сказала она. — Мужчине это не к лицу.

Опять он сказал что-то не то. Он решил, что Мэри говорит о мужчинах, которым хочется обзавестись домом, семьей. Он неизменно старался выглядеть в ее глазах человеком, обладающим качествами, которые ей больше всего по душе.

— Я не... — начал он. — Я только хотел...

Она провела пальцами по его груди:

— Не обращай внимания. Я немного дерганая сегодня, и не без причины. У меня от таких звезд всегда ум за разум заходит.

— Да, — сказал он. — Звезды очень красивые.

Мэри отняла пальцы от его груди, снова повернулась лицом к двору и начала наматывать на палец прядь своих волос. Константин смотрел на этот палец, томясь сжимавшим ему горло в комок желанием.

— Только зря они тратят свой свет на Ньюарк, — сказала Мэри. — Посмотри на них — сверкают что есть мочи. Грустно это, тебе не кажется?

Ньюарк Константину как раз и нравился. Нравились его горделиво уходившие в небо дымовые трубы, простая, домашняя понятность прямоугольных кирпичных зданий. Но он понимал: Мэри хочет услышать от него слова презрения к этим заурядным красотам, которые и полюбились-то ему лишь благодаря знакомству с ней.

— Грустно, — согласился он. — Да, это очень грустно.

— Ах, Кон, как я устала от... Не знаю. От всего.

— Устала от всего? — повторил он.

Мэри рассмеялась, и в смехе этом Константин услышал отзвук издевки. Временами он говорил что-то, представлявшееся ей смешным, а почему — Константин понять был не способен. Ему нередко казалось, что самые простые утверждения его или вопросы словно доказывают справедливость какой-то горькой шутки, одной только Мэри и известной.

— Ну, от школы. Совершенно не понимаю, зачем мне история с геометрией. Я хочу работать, как ты.

— Работать в бригаде строителей? — удивился он.

— Да нет, глупыш. Но я же могла бы работать в офисе. Или в одежном магазине.

— Ты должна окончить школу.

— Не понимаю зачем. Учеба мне не дается.

— Тебе все дается, — ответил он. — Все, что ты делаешь.

Она намотала прядь на палец потуже. Опять рассердилась. Разве с ней заранее угадаешь? Временами лезть приходилась кстати. А временами Мэри отбрасывала ее, точно пригоршню камушков.

— Я знаю, ты считаешь меня совершенством, — низким голосом произнесла она. — Ну так я не такая. И тебе, и моему отцу пора бы понять это.

— Я понимаю, что ты не совершенна, — сказал он и сразу сообразил, что голос его звучит неправильно — неискренне, слишком молодо, с каким-то вино-

ватым попискиванием. И поспешил добавить в него нотки пониже: — Просто я люблю тебя.

А это утверждение — оно тоже часть безмерной, недоступной его разумению шутки?

Похоже, что нет, — Мэри не засмеялась.

— Мы оба повторяем это и повторяем. — Она по-прежнему вглядывалась в двор. — Люблю, люблю, люблю. Откуда ты знаешь, Кон, что любишь меня?

— Я знаю любовь, — сказал он. — Я думаю о тебе. Все, что я делаю, — для тебя.

— А если я скажу, что иногда не вспоминаю о тебе по несколько часов?

Он не ответил. Какой-то зверек, кошка или опосум, тихо рылся в одном из мусорных баков.

— Это не значит, что ты мне безразличен, — продолжала Мэри. — Безразличен, очень. Может быть, я просто пустышка. Но разве любовь не должна изменять все-все? А я остаюсь такой, какой была всегда. По-прежнему просыпаюсь утром и думаю: ну вот, нужно прожить еще один день.

Уши Константина наполнил отдающийся эхом океанский гул. Неужели сейчас это и произойдет? Неужели она скажет, что лучше им какое-то время не встречаться? И чтобы остановить время, наполнить чем-то воздух, он сказал:

— Я могу увезти тебя, куда ты захочешь. Сейчас я помощник бригадира, но скоро узнаю достаточно для того, чтобы получить другую работу.

Она повернула к нему посветлевшее лицо.

— Я хочу лучшей, чем эта, жизни, — сказала она. — Я не такая уж и жадная, честное слово, просто...

Взгляд ее оторвался от лица Константина, пробежался по веранде, на которой они стояли. И Константин увидел эту веранду глазами Мэри. Ржавая качалка, картонный ящик с молочными бутылками, глиняный горшочек с чахлой геранью. Константин сознавал, что внутри дома перемещаются ее родители и братья и у каждого множество собственных поводов для недовольства. Отец Мэри отравлен фабричной пылью. Мать живет среди руин красоты, которая, как она наверняка полагала когда-то, сможет перенести ее в другую, лучшую жизнь. Бездельник Джоуи, брат Мэри, все еще ищет, где лучше, повинувшись слепому инстинкту, — словно рыба, ищущая, где глубже.

Константин сжал ладошку Мэри в своей.

— Все будет, — сказал он. — Да. Все, чего ты хочешь, случится.

— Ты правда так думаешь?

— Да. Да, я в этом уверен.

Она закрыла глаза. В этот миг никакая шутка ему не грозила, и он понял, что может поцеловать Мэри.

1958

Мэри, сооружавшая следуя напечатанным в журнале указаниям, пасхальный торт, коему надлежало придать обличье кролика, вырезала хвост и уши зверька из желтоватого коржа, круглого и безмятежно невинного, точно луна в окошке детской. В работу эту она ушла с головой. Прикованные к тесту глаза ее потемнели, губы сжимали высунувшийся наружу кончик языка. Она вырезала одно совершенное по форме ухо и принялась за второе, когда в лодыжку ей ткнулась лбом Зои, ее младшенькая. Мэри ахнула, и на втором ухе появилась округлая дырка размером с ноготь большого пальца.

— Черт, — прошептала она. Прежде чем Зои налетела на нее, Мэри владело только одно желание: вырезать из свежее испеченного коржа безупречно симметричное ухо. И вся она была воплощением этого желания, и ничем больше.

Она взглянула на Зои, сидевшую на корточках у ее ног поскуливая и шлепая ладошками по крапчато-му линолеуму. Что сейчас произойдет, Мэри знала. Зои того и гляди накроет с головой волна недовольства, из-под которой ее никакими утешениями не вытянешь. Зои была самым странным на свете ребенком, запертой шкатулкой, и ни доброта, ни раздражение, ни лакомые кусочки проникнуть внутрь нее Мэри не позволяли. Понять Сьюзен и Билли было проще — они-то плакали только от голода или усталости. Даже при самых худших их вспышках недовольства они поглядывали на Мэри просительно, словно говоря: дай мне хоть что-нибудь, любой повод снова прийти в себя. Их легко было утешить игрушкой или пирожком. А Зои встречала свои несчастья с раскрытыми объятьями. Она могла на целый час, если не больше, распахнуться без сколько-нибудь понятной причины — к чему сейчас дело и шло. Мэри чувствовала приближение этой беды — точно так же, как мать самой Мэри чувствовала, если можно верить ее словам, приближение ненастной или ясной погоды. Чувствовала просто-напросто суставами. На разделочной стойке перед Мэри были разложены коржи, кокосовая глазурь, леденцы, лакричная стружка. Окинув все это взглядом, она опустила глаза на обозленное дитя, готовое вот-вот впасть в отчаяние — с чувственным, безнадежным наслаждением, с каким после очередного тяжелого дня падает в кровать взрослая женщина.

— Кон? — позвала Мэри.

— Да? — ответил он с заднего двора.

— Кон, тут малышка места себе не находит. Побудь с ней пару минут, чтобы я все закончила, ладно?

Она ждала в тишине, растянувшейся на три удара сердца, когда Кон с влажным хлопанием втянет в грудь воздух, пытаясь придумать причину для отказа. Ждала и наконец услышала:

— Ладно. Сейчас приду.

Мэри поправила неровно лежавший на пластиковой столешнице нож.

— Все хорошо, моя сладкая, — сказала она Зои. — Папа вынесет тебя во двор, ты поиграешь со Сьюзи и Билли. Ты слишком долгое время просидела в этих старых стенах, верно?

Константин со стуком распахнул затянутую железной сеткой дверь:

— Она тебе и вправду мешает?

Мэри, глубоко вздохнув, повернулась к нему. По-старалась, чтобы голос ее прозвучал весело.

— Привет, милый. Я тут тружусь над моим шедевром, и, чтобы он получился, мне нужно немножко тишины и покоя. Так что будь ангелом, ладно?

И она, коснувшись пальцами волос, рассмеялась, негромко и смущенно. Теперь Мэри целиком отдалась демонстрации своих достойных качеств — как только что отдавалась изготовлению торта.

Константин чмокнул ее в щеку, погладил по плечу.

— А у тебя что-то не маленькое получается, верно? — сказал он.

— Большое-пребольшое, — радостно ответила Мэри. Зои продолжала лупить ладошками по линолеуму.

Константин обратился к ней:

— Ну что, поиграешь немножко с братиком и сестричкой? А? Хочешь поскандальить — пошли во двор, а мама пусть отдохнет, хорошо?

Он наклонился, чтобы подхватить малышку, а когда поднял ее на руки, Мэри ощутила дуновение его запаха: влажного, смешанного с ароматами дезодоранта и одеколона, которым он начал недавно пользоваться, — странноватое сочетание сладости и рассола.

— Ты святой, — сказала она.

Константин подбрасывал малышку на руках.

— Как у тебя дело-то подвигается?

— Хорошо, — ответила Мэри. — Просто отлично.

Она склонилась над тортом, заслонив его собою от мужа. И с удивлением поняла: ей почему-то не хочется, чтобы он увидел поврежденное ухо, — и ведь знает же, муж никакого повреждения не заметит, а и заметит, так сочтет пустяком.

— Сюрприз нам готовишь?

— Угум. Ладно, ребятки, вы идите поиграйте.

— Хорошо. Пошли, Зо, посмотрим, до чего доигрались твои братик с сестричкой. Попробуем их малость вразумить.

Он ушел, унеся малышку, и неминуемый приступ нытья ее был по крайней мере на какое-то время отсрочен. Мэри подождала, когда, вздохнув, закроется дверь, а затем с облегчением, почти осязаемым — словно какие-то крошечные клапаны открылись в животе ее и в груди, — снова взялась за торт. Даром художницы не обладала, но считала себя способной понять артистическую натуру. Она понимала, что такое сосредоточенность и настоящая, почти физическая потребность во времени, простом, ничем не замутненном времени, которое можно отдать работе. Иногда она не ложилась спать до глубокой ночи, потому что шила, или пекла, или вырезала что-нибудь из тыквы, или плела венки из сосновых веток. Однако времени ей вечно не хватало и денег тоже. Едва ли не каждый день, когда дети принимались вдруг плакать, ссориться, липнуть к ней, она чувствовала, что ей недостает дыхания, — казалось, что само неупорядоченное течение времени высасывает из нее воздух. Она пыталась, к примеру, завязать шнурки или еще раз перечитать любимую книжку, а на нее вдруг нападало головокружение или жуткая зевота. Сейчас, пока Константин и трое детей ждали, когда она закончит свою работу, Мэри могла наконец вздохнуть спокойно и вырезать из коржа второе кроличье ухо. Она подняла оба уха, приложила под заливчатскими углами к круглой кроличьей голове. Да, совсем как на картинке в журнале. А дырку на краешке уха можно будет заполнить глазурью.

Близились сумерки. Тыльные стены стоявших вплотную многоквартирных домов облил красочный свет, столь мирный, что даже этот скромный квартал города Элизабет казался одухотворенным и совершенно пустым, подобным священному городу мертвых. Косые лучи солнца ложились на аккуратные задние дворики, вытягивая длинные тени из детских качелей и алюминиевых лужаечных стульев. На одной из веранд уже зажгли лампу, бледно желтевшую на фоне тающей синевы неба, на трех лужайках включили брызгалки, и в холодеющем воздухе повисли арочные водяные бусы.

Что же, хотя бы до этих мест Константину добраться удалось. Он перешел в другую бригаду, стал получать каждую неделю немного больше, и этих денег хватило на покупку домика с тремя спальнями наверху и мизерным задним двориком. Соседство тут было паршивое, все больше цветные с латиносами, однако в мгновения, подобные этому, даже дурное соседство порой представлялось частью большого замысла, устремленного в просторное, поместительное будущее.

Последний луч солнца скрылся, замеченный лишь Константином, за бумажной фабрикой. Сюзен сидела на земле, играя с Билли в сложную игру, ею же и придуманную, что-то такое с игральными костями, несколькими плюшевыми зверушками и крохотными пластмассовыми отелями, позаимствованными из "Монополии". Внимание Билли то и дело

убредало куда-то, и Сьюзен, вспыльчивой, что твоя нянька, приходилось возвращать его назад. Константин знал: скоро она в праведном негодовании ответит брату оплеуху, ибо мальчишкой он был бестолковым, вечно чем-то отвлекавшимся. Иногда Билли утрачивал всякую связь с реальностью и таращился в тупой зачарованности на какое-нибудь насекомое, опавший лист или просто пустое место, оказавшееся у него перед глазами. Константин с Зои на руках описывал по дворику круги, шепча ей всякую бессмыслицу — то был единственный, какой он знал, способ успокоить дочь, когда ее одолевало непонятное недовольство. В недолгом приступе ностальгии Константин настоял на том, чтобы дочь назвали Зои, в честь его бабушки. И теперь жалел об этом. Мэри предпочитала имена американские: Джоан, Патриция. И ныне, когда обнаружилось, что нравом Зои обладает сумрачным, что ее одолевают не поддающиеся расшифровке горести, Константин гадал, не обрек ли он дочь — всего лишь таким пустяком, как имя, — на жизнь чужестранки.

Солнце село окончательно, и он решил отправить старших детей под крышу, пока их ссора не набрала полную силу. Зои была беспокойна, но пока управляема. Если ему удастся вернуть всех в дом, они снова окажутся во владениях Мэри, с ее более четко очерченной властью умиротворять и править. И он сказал Сьюзен и Билли: “Пойдемте, дети, уже темнеет”. Они попросили дать им еще пять минут и получили отказ.

Константин помог им собрать отельчики, согласившись на то, что они закончат игру в гостиной. И когда он загнал через заднюю дверь детей в кухню, Мэри подняла на них взгляд и удивленный и досадливый. Она покрывала торт глазурью.

— Уже вернулись?

— Солнце село, — сказал Константин. — Для них там становится холодновато.

Мэри, зевнув, покивала и возобновила работу. Константин прошел за Сьюзен и Билли в гостиную, опустил Зою на пол, отчего она сразу же заревела, помог в должном порядке расставить отельчики по зеленому ворсистому ковру, на котором они не столько стояли, сколько падали.

— Тут же невозможно играть, — заявила Сьюзен.

— Я вообще эту игру ненавижу, — прибавил Билли.

— Играйте, — сказал Константин. — И чтобы без ссор. Через пару минут будем обедать.

Он снова взял Зою на руки, объяснил ей, что все хорошо, что она — его маленькая девочка, ангел, посланный небесами, но Зою продолжала реветь. И Константин понес ее на кухню.

— Ужин скоро? — спросил он.

— Ужин? — переспросила Мэри. — А что, уже больше шести?

— Шесть сорок пять. Ребятишки начинают капризничать.

Она снова зевнула и ухватила за край стойки — так, точно линолеум поплыл у нее под ногами. Перед

ней возвышался торт, очень похожий на кролика, с изображавшей мех белой кокосовой глазурью.

— Как красиво, — сказал Константин, подбрасывая на руках подвывающую дочку. — Посмотри, Зои. Посмотри, моя сладкая. Зайчик.

Мэри разгладила лопаточкой глазурь и смирila Константина холодным взглядом. Он опять совершил непонятную, непредсказуемую ошибку.

— Дети проголодались.

— В морозилке есть рыбные палочки и картофельные блинчики, — сказала Мэри. — Может, сможешь мне немного? Включишь духовку, достанешь что следует из морозилки. — И она, снова пройдясь лопаточкой по глазури, добавила: — Завтра Пасха, Константин. Приедет вся моя родня. У меня дел невпроворот.

Лицо Константина вспыхнуло. Нет, ссориться с ней он не будет. Он будет думать о любви, о планах на будущее, о скромном совершенстве вот этого торта. Он прижал к себе ревущую Зою, прошептал ей на ухо какую-то чепуху. И, не произнеся ни слова, включил духовку, достал из морозилки яркие пакетики, выложил их на кухонную стойку — так мягко, точно боялся, что они рассыплются. А после того как дети поели и их уложили спать, стал помогать Мэри с заполнением стоявших на обеденном столе пасхальных корзиночек, сплетенных из рафии и стеблей лаванды, — ссыпал в них пригоршни зеленого пластмассового сена, а Мэри раскладывала по нему конфеты и маленькие игрушки.

— Мне еще нужно закончить малышкино пасхальное платье, — сказала она. — И яйца по дому попрятать, чтобы дети их завтра искали.

— Да, — сказал он. — Конечно.

— Все так дорого, — вздохнула Мэри. — Ты даже не поверишь, если я скажу тебе, сколько все это стоит.

Константин натужно сглотнул, наполнил сеном еще одну корзиночку. Ну почему Мэри никак не может понять, откуда берутся их деньги? Она вышла на кухню, принесла кролика, поставила его на середину стола, окинула, склонив голову набок, критическим взглядом. Два круглых красных леденца вместо глаз, черная мармеладина вместо носа и лакричные усы. На глаза Константина навернулись слезы. Чудо. Этого кролика вполне могла изготовить одна из пекарен, стоящих в центре города, — хоть та, огромная, белая, с поблескивающей черепицей, горами засахаренных фруктов на серебряных подносах и неприметными дымоходами, выдыхающими ароматы, густые и сладкие, как сама надежда.

— Надо было мне попросить Джоуи и Элеанор привезти что-нибудь, — сказала Мэри. — Они не намного беднее нас. Кон, ты бы постирал на донышки корзинок газету, тогда не будет казаться, что мы поскупились на сено.

— Ладно.

Мэри снова вздохнула, и на этот раз вздох получился у нее затяжным, сухим и усталым, странно старческим для женщины двадцати шести лет.

— Вот и Пасха, — сказала она.

Константин кивнул. Американская Пасха. Греческой ждать еще три недели, — впрочем, он знал, что Мэри не любит упоминаний об этом. Она при всяком удобном случае говорила: “Мы американцы, Кон. Америка-нцы”. А мать Мэри, перебравшаяся, чтобы дети ее стали гражданами США, из Палермо в Нью-Джерси, что ни день поднимает на своем переднем дворе, бок о бок с пластмассовой скорбящей Мадонной, американский флаг.

— Я так устала, — продолжала Мэри. — Вроде бы и праздник, все должны веселиться, а я ничего, кроме усталости, не ощущаю.

— Ты слишком много работаешь, — сказал он. — Нужно и отдыхать хоть немного.

— Я делаю то, что обязана делать, — ответила она. — Разве не так?

Корзинки были уже почти наполнены, когда в столовой вдруг появился Билли, одетый в пижаму с ковбоями. Мэри настояла на том, чтобы детские пижамки покупались в универмаге “Мейси”, сколько бы они там ни стоили. Босой Билли стоял в проеме двери, и когда Мэри его увидела, на лице ее, отметил Константин, появилось выражение немой, улыбающейся паники. Скрыть от мальчишки корзинки никакой возможности не было. Константин услышал, как Мэри прерывисто втянула в себя воздух.

— Что такое, милый? — спросила она.

— Чего это вы тут делаете? — поинтересовался Билли.

— Да ничего, милый, — ответила Мэри. Она подошла к сыну, опустилась перед ним на колени, заслонив от него столовую. — Просто сидим. В чем дело? Приснилось что-нибудь?

Билли тянул шею, пытаясь заглянуть за плечо матери. Константин чувствовал, как в горле его образуется жесткий катышек гнева.

— Возвращайся в постель, — сказал он.

— А вон там что? — спросил Билли. — Наши пасхальные корзинки?

Константин очень старался не давать воли гневу. Это мой малыш, говорил он себе. Мой мальчик, он любознателен, только и всего. Однако другой голос, лишь отчасти принадлежавший ему, поносил неестественную малорослость мальчишки, его проявлявшуюся все чаще склонность к нытью. Эти новые традиции, посещения дома бородатыми святыми, феями и кроликами — они так важны, так бесценны. Их следует оберегать, и как можно усерднее.

— Нет, милый, — веселым, тоненьким голосом ответила Мэри. — Понимаешь, к нам сюда забегал Пасхальный Кролик, да только он забыл кое-что с собой прихватить. У него так много дел этой ночью. Корзиночки-то он нам оставил, но велел до его возвращения никому их не показывать, ни в коем случае.

— А я хочу *посмотреть*, — сказал Билли, и катыш в горле Константина затвердел еще сильнее. Это его

единственный сын. Ему пять лет, у него тощая шея и писклявый, просящий голос.

— Назад в постель, — велел Константин.

Билли взглянул на него с выражением и трусливым и непокорным сразу.

— *Я хочу посмотреть*, — повторил он, словно решив, что родители не поняли простоты и логичности его требования.

Константин встал. Страх, пронесшийся по лицу сына, лишь сильнее сдавил отцу горло. Мэри, положив ладони на костлявые плечи Билли, лепетала:

— Иди, мой сладкий. Тебе сейчас снится дурной сон, утром ты о нем и не вспомнишь.

— *Нет!* — взвизгнул Билли, и вот тут-то Константин на него и набросился. Он оторвал мальчишку от пола, попутно поразившись тому, как мало тот весит. Как мешок с хворостом.

— В постель, — приказал Константин. Быть может, он и совладал бы с собой — если бы Билли остался вызывающе непокорным. Но Билли заплакал, и Константин, еще не успевший решить, что ему делать, начал трясти мальчишку, повторяя:

— Заткнись. Заткнись и возвращайся в постель.

— Кон, перестань, — сказала Мэри. — Перестань. Дай его мне.

Голос ее доносился откуда-то издали. Константин в самозабвенном гневe, сознавая с яростной ясностью, что он творит, тряс и тряс Билли, пока лицо мальчишка не исказилось и не расплылось перед его глазами.

— О Господи, — пролепетала Мэри. — Перестань, Кон. Пожалуйста.

— В постель! — крикнул Константин. Он грубо опустил Билли на пол, и мальчик тут же упал — так, точно у него растаяли кости. Мэри бросилась к сыну, но Константин преградил ей дорогу. Он рывком поднял Билли и развернул его лицом к лестнице.

— Пшел! — рывкнул он и хлопнул сына по задку с силой, заставившей мальчика пробежаться, спотыкаясь, до середины гостиной, а там повалиться снова, подвивая, хватая ртом воздух. Константин, отпрянув назад, ударился бедром о стол, одно из раскрашенных Мэри яиц, прозрачно-голубое, покатилося, вихляясь, по полированной столешнице. Мэри замерла. Он увидел упавшую на ее лицо тень. Потом она подбежала к Билли и прикрыла его своим телом. Яйцо помедлило на краю стола. И упало.

— Прекрати! — закричала Мэри. — Пожалуйста! Не трогай его.

Но Константин уже не владел собой — белая, сверкающая, великолепная пелена бешенства застилала его взор. Он упоенно сметал со стола корзинки. Мармеладки в разноцветных оболочках ударялись, точно камушки, в стены. Шоколадные овечки разбивались о пол, пластмассовые яйца с треском разламывались, рассыпая спрятанные в них дешевые безделушки. И наконец кулак Константина вонзился в торт. Рука его снова взвилась над тортом — над безжизненными останками торта, из которых лихо торчали уши. И замерла

в воздухе. Он мог пробить кулаком эту белую округлую мякоть. Мог рвать ее ладонью и запихивать в рот. Мог сожрать весь торт, размазывая по лицу и рубашке глазурь, и плакать при этом, моля полным ртом о прощении. Но он лишь медленно опустил руку и замер, глядя на торт. Потом развернулся, подошел к жене с сыном, опустился на колени.

— Не трогай меня, — всхлипнула Мэри. — Прошу, отойди от нас.

Он отошел, собрал корзинки, аккуратно расставил их по столешнице. Потом собрал и сено, и завернутые в фольгу яйца.

— Что с тобой происходит? — сдавленным голосом спросила Мэри.

— Не знаю, — ответил он. — Не знаю.

— То человек человеком, то вдруг...

Он уложил шоколадное яйцо на солому, вернулся к жене с сыном и снова опустился на колени. Били, съездившись, прижимался к матери. Константин робко опустил ладонь на шею сына. В прихожей тикали часы.

— Пожалуйста, — произнес Константин, сам толком не зная, о чем просит. И добавил: — Я научусь. Все можно изменить.

Он обнял свободной рукой Мэри за плечи. Она не прижалась к нему и не отпрянула.

— Для тебя я готов на все, — сказал он.

И, не получив ответа, неуклюже поднялся на ноги, чтобы собрать с пола разбросанные сладости, вер-

нуть цыпляток в солому, а сюрпризы — в пластмассовые яйца.

— Замечательно вкусно, — сообщил, похлопывая себя по животу, брат Мэри, Джоуи. Живот издавал плотные, мясистые звуки. И Мэри подумала вдруг о теле брата, о густых волосах на нем и кислых, едких жидкостях внутри. И перевела взгляд на жену Джоуи, Элеонор.

— Вот и отлично, — сказала Мэри. — Мы надеялись, что вам понравится.

Она поставила тарелку Джоуи на стопку остальных, которые держала в руках, обвела быстрым взглядом руины обеда. Еда была вполне приличная, только спаржа оказалась какой-то деревянной. И не стоило ей покупать эти желтые салфетки — в магазине они выглядели яркими, красивыми, а на столе обрели почему-то обличье тусклое, больничное. Легкие Мэри напряглись, она зевнула.

— Устала? — спросила ее мать. — Ты ведь столько сил потратила на этот обед, верно?

— Нет, — раздраженно ответила Мэри. Лицо ее вспыхнуло, как если бы она попала на какой-то самовлюбленной нескромности. — Нет, ни капельки не устала. Просто — ну праздник же. Сама знаешь.

— Знаю, — ответила мать. Отец Мэри сидел рядом с матерью, сохраняя совершенное, словно бы глубоко-водное безмолвие. София, жена Эдди, встала, чтобы

помочь Мэри убрать со стола. Она взяла тарелку Константина, и тот улыбнулся ей с ледяной сердечностью иноземного принца. Весь обед он вел себя осмотрительно, общительно, иногда заливаясь смехом еще до конца рассказываемого кем-нибудь анекдота. К приходу гостей Константин надел темно-синий блейзер и галстук в полоску, подаренный ему Мэри на день рождения.

— Все получилось замечательно, милая, — сказал он. — Лучше не бывает.

Мэри улыбнулась и, попытавшись набрать полную грудь воздуха, ответила:

— Спасибо, радость моя.

В гостиной Билли и Сьюзен играли с сыновьями Джоуи и Элеонор.

— ...Ну так и давай его сюда, — услышала Мэри чей-то голос. Чака, старшего. Думая о мелких ошибках, совершенных ею во время обеда, она ожидала ответа Билли.

— Нет, — послышался голос Сьюзен. — Не давай ему ничего. Он все сожрет.

— Ребятки? — окликнула их Мэри. — У вас там все хорошо?

Молчание.

— Билли! — позвала она. — Ты меня слышишь?

Билли тут же появился в двери, лицо у него было красное.

— Чакки хочет забрать моего пасхального цыпленка, — пожаловался он.

Мэри оглянулась на Элеонор. Та крикнула:

— Что ты там делаешь, Чак?

— Ничего, — брюзгливо отозвался Чак. — Играю.

Билли, глядя в пол с таким напряжением, точно ему вдруг удалось обнаружить некую вышитую на ковре таинственную надпись, сказал:

— Он мою овечку в рот засунул.

— Ну ты же можешь поделиться с двоюродным братом, правда? — произнесла Мэри.

— Чак! — снова крикнула Элеонор. — Ты хорошо себя ведешь?

— Да, ма, — ответил Чак.

Билли оторвал взгляд от ковра и посмотрел на мать с выражением, в котором мешались надежда и страх. Он был в желтой курточке, которую Мэри приберегала к праздникам, и в пестром галстук-бабочке.

— Пойдем, лапушка, — сказала она — громче, чем хотела. — Поможешь мне со сладким.

Билли засеменил к ней.

— Чак его съесть хотел, — сообщил он.

— Ладно-ладно, надо делиться с другими, — сказала Мэри. — Пойдем, достанем вместе мороженое.

И она коснулась его волос. От них исходило легкое электрическое потрескивание, еле слышный гул его существования.

— Испортишь ты мальчишку, Мэри, — сказал Джоуи.

Она пожала плечами. Не забыв улыбнуться.

Младший ее брат, Эдди, предложил:

— А ты бы вернулся туда, Билл, и объяснил Чаку, что ты с ним сделаешь, если он будет есть твои сладости.

Глаза Билла наполнились слезами. Константин улыбнулся, Мэри положила ладонь на макушку сына. Ей до боли хотелось стиснуть пальцами прядь его волос и дернуть что есть сил.

— Мне потребуется его помощь, — резко сказала она Эдди. — Вперед, лапушка. Нам еще целое войско нужно накормить.

Она прошла с сыном на кухню. София уже успела включить в мойке воду.

— Ой, оставь ты это, — сказала ей Мэри.

София и Эдди не один год пытались обзавестись детьми. Она была женщиной пышной, добродушной, шедшей по жизни неся свою неудачу с живой энергией и оптимизмом. Зачатые ею младенцы дорастали в ее чреве до определенной точки, но потом словно растворялись.

— Да я просто начать хотела, — сказала она.

— Знаешь что? — сказала Мэри. — Ты лучше отнеси туда десертные вилки, тарелки. Вон они, видишь?

— Да. Конечно. С удовольствием.

Мэри вошла, чтобы взять торт, в кладовку. Билли последовал за ней, маленькие черные туфли его издавали, встречаясь с линолеумом, чистый резиновый скрип. У Мэри болело сердце.

— Вот он, — сказала Мэри. — Мой шедевр.

— Я устал, мам, — пожаловался Билли.

— Знаю, лапушка.

Она подняла блюдо с тортом. Ей казалось, что грудь ее стянута железными обручами.

— Ненавижу Чакки, — сказал Билл.

— Скоро все уедут, — ответила Мэри.

Билли обратил на мать полный немого страха взгляд, и ей показалось, что ее ударили кулаком в живот. Она стояла с тортом в руках посреди кухни. Безупречная глазурь его походила на только что выпавший снег. А Мэри всей душой ощущала ветреный хаос этого мира, его бесконечные опасности, и ей хотелось сказать сыну: “Я тоже устала. И тоже ненавижу Чакки”.

Ей хотелось отдать весь торт Билли, но хотелось при этом и не подпустить к нему сына раньше времени.

— Когда он уедет? — спросил Билли.

— Скоро, лапушка. После того как съедят торт. Ну, пошли.

И она понесла торт в столовую. Билли последовал за ней.

— Па-па-пам, — пропела она, поднимая торт повыше.

Константин сказал:

— Вот сейчас увидите. Ей следовало в кондитеры податься, моей жене.

Мэри поставила торт в середине стола и отступила немного, скромно принимая общие хвалы. Торт и вправду выглядел идеально. Дырку в ухе кролика никто не заметил. Сюзен, Чак и маленький Ол снова расселись за столом.

— Ну что же, приступим, — сказала, берясь за нож, Мэри. Кролик глядел чудаковатым щеголем, мордочка его несла самое подходящее для нынешнего праздника выражение кроткого изумления. Мэри казалось, что воздух вокруг нее сгустился, пронизанный странными блестками света. Билли жался к ее ноге.

— Так режь же, — сказал Джоуи. — Мы ждем. У всех уже слюнки текут.

— Мэри? — окликнул ее Константин. — Мэри?

— Ммм? О, простите.

Она взяла нож и, решительно улыбнувшись, вонзила его в торт.